

Научная статья

УДК 81'42:32

DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.09

ПРИЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МНЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Трунова Наталья Владимировна

Военный университет им. князя А. Невского Министерства обороны Российской Федерации,
Москва, Россия,

n_trunova@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу тенденций в политической западноевропейской и американской публицистике. Исходную платформу изучения вопроса составляет наблюдаемое явление переноса акцентуации в описании общественно-политических процессов и событий с объективного освещения происходящего в область субъективного восприятия и оценки. Актуальность проблематики подтверждается характерной для текущего момента перенасыщенностью информационного поля, отличающегося кардинальным расхождением оценок происходящих и комментируемых представителями разных политических партий и разных государств политических событий. В центре внимания публикуемого материала языковые приемы и принципы формирования общественного мнения в политическом публицистическом дискурсе, отличительной чертой которого в настоящее время является апелляция не к факту происходящего, а к эмоциональной реакции реципиента речи (текста). Основным фактором, определяющим ракурс подачи материала, является политическая и социальная ориентация издания. Статья носит аналитико-генерализующий характер. Выявляемые специфические черты политического публицистического дискурса экземплифицируются примерами из изданий открытого доступа Гардиан и Нью-Йорк Таймс. В статье приводится классификация политической лексики, систематизируются приемы формирования мнения, характерные для новой социальной парадигмы постправды. Анализ фактического языкового материала основан на использовании методики кейс-стади¹.

Ключевые слова: логика убеждения; персуазивные приемы; манипулятивная функция; политика постправды.

Для цитирования: Трунова Н. В. Приемы формирования мнения в политическом публицистическом дискурсе. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*. 2022; 46 (2): 93–103. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.09

¹ Примеры в тексте заимствованы из изданий: The Guardian, <https://www.theguardian.com>; The New York Times, <https://www.nytimes.com>

Original article

OPINION FORMATION TECHNIQUES IN POLITICAL PUBLICISTIC DISCOURSE

Natalya V. Trunova

Russian Federation Defense Ministry Alexander Nevsky Military University,
Moscow, Russia,

n_trunova@mail.ru

Abstract. The article features the analysis of tendencies in Western European and American political journalism. The initial platform for studying the issue is the observed phenomenon of the transfer of accentuation in the description of socio-political processes and events from objective coverage of what is happening to the sphere of subjective perception and evaluation. The relevance of the issue is confirmed by the current oversaturation of the information field which is characterized by a fundamental divergence of assessments of the current political events commented on by representatives of different political parties and states. The article is focused on language techniques and principles of public opinion formation in political publicistic discourse which at present is characterized by appealing not to the fact of what is happening but to the emotional reaction of the speech (text) recipient. The main factor determining the angle of presentation of the material is the political and social orientation of the publication. By its nature the article is analytical and generalizing. The identified specific features of political publicistic discourse are exemplified by extracts taken from *The Guardian* and *The New York Times* which can be openly accessed. The article provides a classification of political vocabulary, systematizes opinion forming methods characteristic of the new social post-truth paradigm. The analysis of factual linguistic material is based on the use of the case study methodology².

Keywords: logic of persuasion; persuasive techniques; manipulative function; post-truth politics.

For citation: Trunova N. V. (2022). Opinion formation techniques in political publicistic discourse. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic education*. 2022; 46 (2): 93–103. DOI: 10.25688/2076-913X.2022.46.2.09

Введение / Introduction

Восходя к собраниям на рыночных площадях Античности, явление формирования общественного мнения претерпело множество изменений и в плане толкования его сущности, и в смысле целевых установок, и в репертуаре приемов риторики убеждения в общении оратора/автора с многочисленной аудиторией. Изначально расходясь во мнениях о роли того, что позднее получило именование общественного мнения, — хорошо известно, например, что Платон не усматривал особой значимости в том, чтобы учитывать «мнение масс» в решении государственных вопросов, поскольку народ не знал и не мог знать

² Examples are taken from: *The Guardian*, <https://www.theguardian.com>; *The New York Times*, <https://www.nytimes.com>

всех тонкостей политики внутри- и межгосударственных отношений, в то время как Аристотель утверждал, что потеря поддержки народа чревата потерей власти (над ним?), — философы и социологи гораздо более позднего периода, обращаясь к этой проблеме, выявили факторы, релевантные для понимания существа отношений в триадической системе «производитель – информация – реципиент», что приобретает особую значимость в современном, стремительно меняющемся мире, с переходами к новым парадигмам общения и форматам передачи информации.

Вместе с тем базовая концепция Античности создала основу для развития двух наиболее широко распространенных теорий взаимодействия производителя информации с целевой аудиторией, имеющего в качестве основной задачи формирование определенного общественного мнения. Авторами этих теорий являются американский политолог и журналист Уолтер Липпман и американский философ, психолог и реформатор системы образования Джон Дьюи. В частности, У. Липпман, опираясь на мысль Платона о миропонимании (простых) людей (в отличие от элиты), ограниченных некоторыми объективно существующими обстоятельствами или субъективными характеристиками мышления, считает, что общество не способно охватить постоянно меняющийся огромный мир как целостность в силу недостатка знаний и узости взглядов, вследствие чего всякий раз «рисует его картину» исходя из прошлого опыта и ракурса восприятия [1, р. 20–21; 2, р. 419–463]. И там, где в античные времена общество принимало (или не принимало) точку зрения глашатаев, в сегодняшнем информационном пространстве оно опирается на официальную информацию массмедиа [1, р. 20], на основании которой может формировать определенное мнение о некотором событии или ситуации. Там, где У. Липпман усматривает ингерентную неспособность общества не только к рациональному осмыслению происходящего, но и его адекватной вербализации, Дж. Дьюи находит выход в построении адекватного алгоритма речепроизводства, в создании приемлемых условий дискуссии и поиске персуазивных приемов [3, р. 398–405].

Необходимо, однако, отметить, что противоречия между положениями теорий этих двух ученых, равно как и тех философов, на постулаты которых они опираются, не особенно велики. Принимая утверждение Платона о том, что прерогатива принятия решений в общественных и политических вопросах принадлежит избранным, элитным слоям общества, которые диктуют массам свою волю и решения, создавая таким образом атмосферу всеобщего согласия, следует понимать, что и Аристотель, говоря о народе, имел в виду образованную (элитарную) часть общества. По сути, и в том и в другом случае речь, скорее всего, идет не о том, чтобы в решении серьезных проблем учитывать мнение народных масс, а о том, как сформировать отношение общества [4, р. 116–133] к событиям и фактам социальной и политической действительности, которые находятся в сфере его интересов.

Методология исследования / Methodology

Понимание политического дискурса как коммуникативного действия [5, с. 35] институционального или межличностного характера [6, с. 188–199] предполагает прежде всего анализ языковых структур его актуализации, но требует также учета контекстуальных факторов его реализации [7, с. 735–751] в плане определения его эпистемической достоверности и аксиологической установки. В первом случае внимание концентрируется на объекте коммуникации как утверждаемом событии, критерием определения второй составляющей служат ценностные ориентиры общества, устоявшиеся в его культуре моральные и нравственные нормы и принципы. Поэтому интерпретация текста политического публицистического дискурса не может сводиться исключительно к толкованию его референтного значения. Здесь должны учитываться такие контекстуальные актуализационные факторы, как место и время, социально-политические установки и ориентиры социума и правящих кругов, внутренняя и внешняя политическая ситуация, личностные предпочтения продуцента (автора сообщения).

Как утверждает, наиболее значимым фактором в квалификации функциональной значимости языкового выражения является его риторика: его соответствие жанру, сила воздействия на реципиента и эффективность в достижении результата, а не его соответствие реальности, определяемое в терминах дихотомии «истинно/ложно» [8, р. 131–139]. При этом смещение информационного акцента с отображения действительности на передачу ее эмоционально-оценочного восприятия автором в преломлении к его собственным критериям оценки может привести к искажению реально происходящего. Тем не менее именно этот принцип оказывается заложенным в новом направлении освещения происходящих событий, о чем около двадцати лет назад говорил тогдашний президент США Дж. У. Буш в одном из интервью, отмечая, что информация, основанная на реальности, себя изжила. Ей на смену пришла новая, искусственно создаваемая реальность, реальность мнения, которое изменчиво и зависит от задаваемых установок [9].

В действительности, реальность, в которой мы существуем, многогранна и чрезвычайно сложна. На любое событие, любой факт, явление, любую закономерность или случайность, любой политический вопрос или политическое действие, как утверждает М. Липски в предисловии к монографии М. Дж. Эдельмана «Политический язык: успех слова и провал политики», можно взглянуть с разных точек зрения [10, р. XVIII]. Но, поскольку политика, как правило, большинством членов общества воспринимается опосредованно и воздействие языка на формирование представления о политических событиях, действиях и отношениях очевидно, можно утверждать, что язык является инструментом воздействия на сознание человека, фиксирующим ракурс мироосмысления и определяющим характер отношений человека к миру и, соответственно, его взаимодействие с внешними обстоятельствами в плане создания некоторой эпистемической картины происходящего в аксиологическом преломлении собственных представлений [11, р. 14–15]. Последний фактор маркирует оценочный характер политического

публицистического дискурса, в котором центр внимания продуцента смещается с фактивной (дескриптивной) информации в сторону экспликации оценочных смыслов, формы выражения которых субъективируют высказывание в целом, поскольку отражают либо точку зрения продуцента, либо политическую ангажированность материала. Такой прагматический сдвиг демонстрирует отрицание значимости факта события, гиперболизирует оценочный смысл, смещающий вектор восприятия онтологии события, и, как правило, выполняет манипулятивную функцию.

Дискуссия и результаты / Discussion and results

Из десяти описываемых Н. Хомским коммуникативных стратегий [12, с. 26–35, 41–47] наиболее существенными в этом плане являются следующие: фрагментарность структурирования текста (в этом случае текст утрачивает целостность и сосредоточенность реципиента текста рассеивается), подмена реально существующей проблемы искусственно созданной (в рамках которой реципиент не имеет когнитивного опыта) с дальнейшим изложением заранее подготовленного плана ее решения, намеренная фальсификация фактов, создающая «другую реальность», или «псевдореальность» (post-truth reality), их тенденциозная интерпретация и, наконец, апелляция к личному опыту реципиента, поскольку предполагается, что объективные факты менее значимы, нежели личностные предпочтения и испытываемые реципиентом эмоции [13], стимулирующие его заинтересованность и создающие эффект вовлеченности.

Наиболее функционально нагруженной в реализации манипулятивных стратегий в политическом публицистическом дискурсе является номинативная функция языка. Классификация номинативных единиц языка, участвующих в актуализации политического публицистического дискурса, определяется согласно ряду последовательно применяемых критериальных показателей. Прежде всего это бинарная оппозиция «нейтральная – политическая» лексика. Политическая лексика, в свою очередь, предполагает разграничение в рамках дихотомии «имплементарная – комплементарная», соответственно, это лексические единицы осуществления политической дискуссии и единицы, используемые в комментариях наблюдателей политической полемики. В обеих стратах (имплементарной и комплементарной) вычленяется разряд терминологической лексики: draft law (*законопроект*), extended sanctions (*расширенные санкции*), home affairs commissioner (*европейский комиссар по внутренним делам*), state-sponsored scheme (*проект, поддерживаемый государством*), non-democratic regime (*недемократический строй*), international legislation (*международное законодательство*) и разряд аббревиатур: MP — Member of Parliament (*член парламента*), EU — European Union (*Евросоюз*), IMF — International Monetary Fund (*Международный валютный фонд*).

Обе страты (имплементарная и комплементарная) подразделяются по дихотомическому принципу «дескриптивная – оценочная»: to get involved in (*оказаться*

вовлеченным в), wealth inequality (*имущественное неравенство*), multinational corporations (*многонациональные корпорации*) vs brutal fighting (*жестокая борьба*), increasing animosity (*возрастающая враждебность*), fearful damage (*ужасающие разрушения*), a humanitarian disaster/catastrophe (*гуманитарная катастрофа*). При этом следует отметить, что в условиях детерминирующего контекста, т. е. такого, который является релевантным для определения статуса лексической единицы, возможно изменение функции дескриптивной лексемы и ее переход в разряд оценочных и наоборот, например tremendous success (*потрясающий успех*) и tremendous leverage (*ужасающие возможности воздействия*).

Основной акцент в таком случае делается на эмоциональном восприятии, поскольку хорошо известно, что эмоциональный импульс включает в себя весь комплекс сенсорных и когнитивных механизмов. В большей мере именно к эмоциям, а не к холодному рассудку апеллируют рекуррентные в политическом публицистическом дискурсе тропы и фигуры речи, так как стимулируют не рациональное, а ассоциативное мышление, порождающее целые цепочки ассоциативных связей и рисуящее визуальные картины. Переживаемые эмоции каждый реципиент примеряет на себя индивидуально, становясь, таким образом, вовлеченным в ситуацию или проблему и лично заинтересованным в ее разрешении.

Политическая публицистика сегодня метафорична [14, с. 101–107]. Аппликативный потенциал метафоры в разных типах дискурса, как правило, трактуется в рамках когнитивной лингвистики [15, с. 29] вслед за нашедшей в свое время публикацией американских ученых Дж. Лакоффа и М. Джонсона [16, р. 10–14], показавших метафоричность привычных обиходных выражений и впервые привлечших внимание к тому факту, что метафора представляет собой не просто игру слов, а входит в понятийный инструментарий мироосмысления. Это так называемая концептуальная метафора, как, например, в «The EU recently agreed to extend sanctions against Belarus, but it can only target Belarusian companies...» (*Евросоюз недавно договорился о расширении санкций против Беларуси, но они могут нацеливаться только на белорусские компании...*). Представляется, однако, что живая авторская метафора, используемая в политическом дискурсе, обладает большей экспрессией и имеет большую силу воздействия на сознание реципиента, например «those travel companies <...> are being part of a state-sponsored smuggling scheme orchestrated by a desperate and non-democratic regime» (*эти осуществляющие перевозки компании <...> являются частью спонсируемой государством контрабандной махинации, режиссуру которой осуществляет доведенное до отчаяния недемократическое государство*). Даже не прибегая к лингвистическому анализу используемого вокабуляра и тропов, можно говорить о предвзятом агрессивном освещении ситуации с беженцами на белорусско-польской границе в ноябре 2021 г. газетой «Гардиан».

Арсенал стилистических приемов, способствующих созданию определенного (в большинстве случаев ангажированного) мнения, достаточно широк, от относительно несложных эпитетов и сравнений до более изысканных метафор «Russia could develop new technologies to break out of this geopolitical

sage» (*Россия может создать новые технологии, чтобы вырваться из этой геополитической клетки*), метонимий «...the reality is that Downing Street is offering very little that is new» (...*в реальности Даунинг стрит предлагает очень мало чего нового*); «But Beijing seems to see little benefit in becoming a mediator in the conflict» (*Однако Пекин, кажется, не усматривает большой пользы в том, чтобы стать посредником в этом конфликте*) и антитез «Was it a major strategic move or just a “fun operation” meant more to hurt than to influence?» (*Это был серьезный стратегический ход, или просто забава, задуманная, скорее, чтобы задеть, чем оказать влияние?*).

Многие политические события рекуррентны (создание политических партий, выборные кампании, заседания парламента, внутренние и внешние конфликты, глобализация и дезинтеграция). Поэтому естественно, что существуют прецедентные случаи, основной целью освещения которых в публицистическом политическом дискурсе является формирование мнения [4, р. 116–133]. Когда возникает или создается прецедент, первым приемом в его оценке является установка, основная задача которой заключается в создании определенного первичного представления и в формировании отношения аудитории к факту или событию. Поскольку, как правило, основная аудитория (реципиент) не является непосредственным участником, она вынуждена опираться на приводимые свидетельства и (главное в сегодняшней парадигме) мнение продуцента [17, с. 15–23], что в большинстве случаев она и предпочитает сделать.

Существующие прецеденты создают предпосылки к аллюзивной экспликации. Стилистическое предназначение аллюзии заключается в создании яркого образа за счет возникающих ассоциаций: «Brexit <is> “a midsummer night’s nightmare» (*Брексит <это> кошмарный сон в летнюю ночь*). Красивая аллюзия с однозначным наложением сюжетных линий комедии У. Шекспира и реальных событий по выходу Великобритании из Евросоюза. Даже финалы совпадают: каждый остается при своем интересе. Формальная функция аллюзии в политическом дискурсе, собственно дискурсивная, состоит в воссоздании фрагмента языковой картины мира и в выстраивании событийных параллелей, когда источник (предшествующее событие) и мишень (то, что происходит в текущий момент) соотносимы в границах однородного, однопорядкового событийного пространства. В этом случае аллюзия, отсылая реципиента к фактам (не обязательно далекой) истории, представляет собой механизм расширения темпоральной перспективы: «“Russia-gate” will be a critical factor in American domestic politics...» (*скандальное вмешательство России <имеется в виду предвыборная президентская кампания> станет критическим для американской внутренней политики*). Недвусмысленная аллюзия, если вспомнить, что уотергейтский скандал закончился отставкой президента страны Ричарда Никсона.

Политический скандал восьмидесятых годов оказался настолько большим потрясением для англоязычного мира, что аллюзия к нему стала (крайне редкий случай) узуальной: уже на протяжении полувека авторы политических

публикаций в Великобритании и США напоминают читателям о наказаниях, которые должны следовать за преступлением черты закона: «The “partygate” scandal engulfing Boris Johnson has piqued public outrage that the prime minister was not playing by the rules he set for everyone else» (*Скандал с вечеринкой <по поводу дня рождения британского премьер-министра, организованной в период локдауна> захлестнувший Бориса Джонсона, вызвал негодование публики тем, что премьер-министр играл не по правилам, которые он определил для всех*). В плане передачи прагматических смыслов аллюзия (как любой художественный прием) оценочна. Ее ментальным проводником является ассоциативное мышление.

Функционально значимыми для формирования мнения аудитории в политическом публицистическом дискурсе являются структурные модели предложения. Более рекуррентными являются причинно-следственные и изъяснительные модели предложений.

Естественно, что в политическом публицистическом дискурсе в качестве подтверждения и доказательства описываемых событий используются все существующие приемы аргументации, в том числе дедуктивные рассуждения, эмпирический опыт, отсылка к авторитетному источнику, наличие иллюстративного материала. Вместе с тем в новых стратегиях изложения материала и выражения оценки в современном англоязычном политическом публицистическом дискурсе, в большей мере оперирующем не столько фактами, сколько их преломлением сквозь призму личного субъективного восприятия, в преломлении к устойчивым оценочным стереотипам, и апелляцией к эмоциональной реакции реципиента, во все большей степени применяются приемы манипуляции сознанием, т. е. навязывание аудитории неприемлемой для нее точки зрения [18, с. 43–48] в новой парадигме постправды (post-truth reality).

Технологии манипулятивного воздействия связаны с приемами обработки и подачи материала. Информация, как правило, обрабатывается таким образом, чтобы подвести реципиента к необходимому (требуемому, задаваемому, планируемому) пониманию происходящего и принять адекватное моменту (или удовлетворяющее «заказчика») решение. С этой целью в первую очередь используется прием фрагментации, когда информация разбивается на отдельные незавершенные в смысловом плане блоки. При этом некоторые значимые блоки информации осознанно опускаются, что может кардинально изменить актуальную картину событий. Кроме того, нарушается логика последовательности событий (причина и следствие меняются местами). В жестком манипулятивном контексте может происходить подмена фактов и понятий [19, с. 70–74]. Перенасыщенность информационного пространства, противоборство интересов, несовпадение личных предпочтений участников освещения происходящего, отсутствие (несоблюдение) единства принципов подхода к освещению политических событий приводят к недопониманию или полному непониманию происходящего сторонами и столкновению точек зрения, что чревато социальными конфликтами.

Заключение / Conclusion

Предназначение публицистического политического дискурса заключается в установлении и обеспечении отношения доверия общества политической линии государства в решении внутренних задач и взаимодействия с внешним миром. На этом основании следует признать, что ключевая функция политического публицистического дискурса является не дескриптивной, а прескриптивной, побудительной. Ее реализация вербально опосредована и предполагает наличие и взаимодействие модусов языковой экспликации в достижении устойчивого убеждения.

Формирование мнения — это психологический процесс, требующий от отправителя информации а) широты охвата происходящего в соотношении как с иными одновременными событиями, так и с событиями ближней и дальней ретроспективы, б) глубокого осмысления причинно-следственных линий развития комментируемого события, в) четкого понимания цели представления информации аудитории, г) владения психологическими и речевыми приемами убеждения. Информация воспринимается в задаваемых рамках, если она ложится на подготовленную почву, т. е. когда социальная среда готова не только к восприятию сложной ситуации или проблемы, ставящей человека перед выбором, но и к тому ракурсу, в котором она представляется целевой аудитории, как правило, рассуждающей о политике на бытовом уровне. Поэтому биты информации подаются дозировано, в модальности предположения и сопровождаются простыми и верифицируемыми примерами. Такое «введение в тему», так называемая техника превентивного убеждения [20, с. 10–13] создает настрой и готовность принять предлагаемую аргументацию, поскольку на ассоциативном уровне она согласуется с уже сформированным фрагментом картины мира. Функционально эта техника амбивалентна, поскольку может привести как к положительному результату (выбору действительно адекватной ситуации), так и к отрицательному (ангажированному).

Важно отметить два фундаментальных актуализационных свойства публицистического политического дискурса: его экспрессивность как апелляцию к чувственному восприятию и агрессивность как стратегию внушения.

Анализ фактического языкового материала, основанный на использовании методики кейс-стади, позволяет заключить, что западноевропейское и американское политическое сообщество последовательно вводит свою аудиторию в новую политическую парадигму, определяемую как *post-truth-reality*, опирающуюся не на достоверность факта, а на субъективно переживаемые эмоции и настроения.

Список источников

1. Lippmann W. Public Opinion. New York: Macmillan; 1922. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/6456/pg6456.html> (дата обращения: 25.03.2022).
2. Dewey J. Logic: The Theory of Inquiry. New York, NY: Holt, Rinehart and Winston; 1938. 546 p.
3. Dewey J. The Public and Its Problems. NY: Henry Holt and Company; 1927. 224 p.

4. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ. *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*: учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова; 2003: 116–133.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография. Волгоград: Перемена; 2000. 328 с.
6. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена; 2002. 477 с.
7. Van Dijk T. A. What is political discourse analysis. Blommaert, J.; Bulcaen, C. (eds.) *Political Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins; 1997: 11–52.
8. Zolyan S. Language and political reality: George Orwell reconsidered. *Sign Systems Studies*. 2015; 43 (1): 131–149.
9. Suskind R. Faith, Certainty and the Presidency of George W. Bush. *The New York Times* October 17). URL: <http://www.nytimes.com/2004/10/17/magazine/17BUSH.html?r=0>, 2014 (дата обращения: 23.03.2022).
10. Lipsky M. Introduction. Edelman M. J. *Political Language. Words that Succeed and Policies that Fail*. NY: Academic Press; 1977. 188 p.
11. Edelman M. J. *Political Language. Words that Succeed and Policies that Fail*. NY: Academic Press; 1977. 188 p.
12. Chomsky N. Media Control. The Spectacular Achievement of Propaganda. Seven Stories Press; 2002. 58 p.
13. Fridlund P. Post-truth Politics, Performatives and Force. *Jus Cogens*. 2020. 2. URL: <https://doi.org/10.1007/s42439-020-00029-8> (дата обращения: 20.03.2022).
14. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта: Наука; 2008. 248 с.
15. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т; 2013. 176 с.
16. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press; 1980. 256 p.
17. Кара-Мурза С. Г. *Манипуляция сознанием. Век XXI*. М.: Алгоритм; 2015. 464 с.
18. Маслова В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры слова. *Политическая лингвистика*. Вып. 1 (24). Екатеринбург, 2008: 43–47.
19. Веснин А. В. Технологии формирования общественного мнения. *Власть*. 2016; 6: 70–74.
20. Чалдини Р. Психология согласия: революционная методика пре-убеждения. (Б. м.) Издательство Бомбора; 2017. 384 с.

References

1. Lippmann W. *Public Opinion*. New York: Macmillan; 1922. URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/6456/pg6456.html> (data obrashheniya: 25.03.2022).
2. Dewey J. *Logic: The Theory of Inquiry*. New York, NY: Holt, Rinehart and Winston; 1938. 546 p.
3. Dewey J. *The Public and Its Problems*. NY: Henry Holt and Company; 1927. 224 p.
4. Demyankov V. Z. Interpretatsiya politicheskogo diskursa v SMI. *Yazy'k SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniya*. M.: Izd-vo MGU; 2003: 116–133. (In Russ.).
5. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa*. Volgograd: Peremena; 2000. 328 s. (In Russ.).

6. Karasik V. I. Yazy'kovoj krug: lichnost', kontcepty', diskurs. Volgograd: Peremena; 2002. 477 s. (In Russ.).
7. Van Dijk T. A. What is political discourse analysis. Blommaert, J.; Bulcaen, C. (eds.) *Political Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins; 1997: 11–52.
8. Zolyan S. Language and political reality: George Orwell reconsidered. *Sign Systems Studies*. 2015; 43 (1): 131–149.
9. Suskind R. Faith, Certainty and the Presidency of George W. Bush. *The New York Times* October 17). URL: <http://www.nytimes.com/2004/10/17/magazine/17BUSH.html?r=0>, 2014 (data obrashheniya: 23.03.2022).
10. Lipsky M. Introduction Edelman M. J. *Political Language. Words that Succeed and Policies that Fail*. NY: Academic Press; 1977. 188 p.
11. Edelman M. J. *Political Language. Words that Succeed and Policies that Fail*. NY: Academic Press; 1977. 188 p.
12. Chomsky N. Media Control. The Spectacular Achievement of Propaganda. Seven Stories Press; 2002. 58 p.
13. Fridlund P. Post-truth Politics, Performatives and Force. *Jus Cogens*. 2020. 2. URL: <https://doi.org/10.1007/s42439-020-00029-8> (data obrashheniya: 20.03.2022).
14. Budaev E. V., Chudinov A. P. *Metafora v politicheskoy kommunikacii*. M.: Flinta: Nauka; 2008. 248 s. (In Russ.).
15. Chudinov A. P. *Ocherki po sovremennoj politicheskoy metaforologii*. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvenny'j universitet; 2013. 176 s. (In Russ.).
16. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press; 1980. 256 p.
17. Kara-Murza S. G. *Manipulyaciya soznaniem. Vek XXI*. M.: Algoritm; 2015. 464 s. (In Russ.).
18. Maslova V. A. Politicheskij diskurs: yazy'kovy'e igry' ili igry' slova. *Politicheskaya lingvistika*. Ekaterinburg; 2008; 1 (24): 43–47 (In Russ.).
19. Vesnin A. V. *Texnologii formirovaniya obshhestvennogo mneniya. Vlast'*. 2016; 6: 70–74. (In Russ.).
20. Cialdini R. *Psixologiya soglasiya: revolyucionnaya metodika pre-ubezhdeniya*. (B. m.) Izdatel'stvo Bombora; 2017. 384 s. (In Russ.).

Информация об авторе

Наталья Владимировна Трунова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка (основного) Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации.

Information about the author

Natalya V. Trunova — PhD (Philology), docent, associate professor of the English as a first language department, Russian Federation Defense Ministry Military University.